

КОВАЛЕНКО Андрей Александрович

**Кандидат технических наук, начальник отдела РКК «Энергия»,
руководитель Центра реализации программы полета РС МКС,
доцент кафедры СМЗ МГТУ им. Баумана, начальник отдела ПАО
«РКК Энергия» им. С.П. Королева;**

Награды России

-Премия Правительства Российской Федерации имени Ю.А.Гагарина в
области космической деятельности
от 22 сентября 2021

Основание: За создание, внедрение, развитие и эксплуатацию системы
управления полетом пилотируемых орбитальных станций.

Источники - открытые источники.

Воспоминания/дневник

Первый день в «Орлёнке»

Ну что же, начнём, пожалуй. Трудно вспоминать то, что было с тобой 31 год назад. Когда тебе было 10 лет. Трудно, но приятно. Ибо есть, что вспомнить... Да, закончилась наша весёлая беззаботная дорога на поезде из Калининграда в Туапсе, а с вокзала в Туапсе автобус быстро домчал нас до «Орлёнка». Вот тут всё и началось. Мы вывалились дружной стайкой из автобуса и подошли к Приёмному корпусу. И притихли. Дальше была неизвестность. Всё наше веселье куда-то испарилось, как будто его сдуло тёплым морским ветром. Мы ещё не знали, что нас ждёт, но догадывались, что впереди что-то необыкновенное.

Спустя примерно полтора часа наша группа вышла через другие двери корпуса. Мы не узнавали друг друга в повседневной орлятской форме. В одинаковых клетчатых рубашках-ковбойках, зелёных шортах, каких-то нелепых белых панамах. И в, непонятно зачем выданных, серо-голубых штормовках. О походах и дождях, о вечерних огоньках в лесу или на берегу моря мы тогда и не подозревали.

Дело шло к ночи, хотелось спать, но, видимо, всем было не до нас. Мимо нас сновали вожатые в форме, шла обычная суeta начала смены, когда с вокзала один за одним подходили автобусы, полные таких же, как и мы мальчишек и девчонок, которых нужно встретить, принять, распределить по отрядам. Просто наш черед ещё не пришел.

Мы сидели на крыльце и ждали, когда нас отведут в лагерь. В какой? Мы не знали, как не знали ещё, что «Орлёнок» это не один, а целых пять лагерей. С завистью смотрели на стайки ребят в шортах и голубых штормовках. Они уже провели в лагере ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, они деловито проходили мимо нас, они уже знали куда шли. У нас впереди была неизвестность...

Не знаю, как кто, а я уже совсем загрустил. Время перевалило за 11 часов вечера, ужасно хотелось спать, ощущение заброшенности и собственной ненужности давило. И вот нас окликнул высокий бородатый парень в орлятской форме с красной буденновкой на голове. «Ну что грустите? Я за вами. Добро пожаловать в «Комсомольский!». Так я впервые услышал название лагеря, который потом будет мне сниться очень долго. Уже лет 30 снится. Мы поднялись и пошли за нашим спасителем по незнакомой дороге. Отнюдь не вымощенной желтым кирпичем. Дорога показалась длинной. Откуда-то из темноты доносился шум прибоя. Моря видно не

было, но морем нас, калининградцев, в общем-то и не удивишь. В темноте угадывалась стройка. Это достраивался Дом вожатых. Наш провожатый развлекал нас по дороге. От него я узнал, что вожатых называют комиссарами, что жить мы будем в каких-то загадочных бочках, что в море будем купаться 2-3 раза в день, что тихого часа в «Орлёнке» нет, а есть ПЧМ, когда можно, в общем-то и не молчать вовсе, а лишь тихо разговаривать, чтобы не мешать соседям, что скучать не придётся, что уезжать будем в слезах, потому, что не хочется расставаться с друзьями. Стоп! Вот этого быть не может. Что я девчонка, чтобы плакать?! В это ни я, ни все мои спутники поверить не могли. Дудки, не бывать такому. «Ничего ничего, всё впереди, скоро сами всё поймете...». И вот наконец, шлагбаум, возле которого угадывалась тень вертолёт, стоявшего на Въездной площади. Мы спустились по лестнице и оказались в «Комсомольском»... Я уже знал номер своего отряда, 17-й, мне показали куда идти, благо это было недалеко, первые домики в тени деревьев у линейки. В темноте трудно было разглядеть их форму и размер, но было понятно, что это не изделия бондарно-тарного комбината из моего родного города. Я вошёл в свою бочку и упал на первую попавшуюся кровать. Было темно, ничего не видно. Очень хотелось спать. Но больше всего я боялся проспать подъем...

...

Я проснулся от шарканья ног за стеклом окна, которое служило и дверью в торце сооружения, которой и оказалось бочкой при солнечном свете. Моя кровать оказалась у самого входа, у окна. И яркий луч утреннего солнышка не давал мне долго спать всю последующую смену. А пока, помня, что спать мы легли очень поздно и, скорее всего, проспали, я вскочил, как ошпаренный, и лихорадочно напялил на себя всю форменную одежду, полученную мной накануне. Шорты. Рубашка. Штормовка. Панама. Вроде всё. Нет, еще обувь. Теперь всё. Пулей вылетаю за дверь, на залитую солнцем палубу. Меня встречает взрыв хохота. Оказывается, зарядка по утрам проводится на пляже и заканчивается нырянием в море. Так что я выглядел нелепо в своем полном «боевом» снаряжении среди мальчишек и девчонок в плавках и купальниках. И, видимо, я был не один такой, ибо взрывы детского смеха раздавались с улицы, пока я лихорадочно переодевался... Наш, пока еще не слишком дружный отряд побежал на зарядку на берег ласкового тёплого моря. Так начался мой первый день в «Комсомольском». В этот день всё было в первый раз. Мы познакомились друг с другом, познакомились с комиссарами Таней и Светой, познакомились с лагерем, с его законами и правилами. Мы учились быть Орлятами. А вечером нас ждал первый вечерний «Огонёк».

На тему «Расскажи нам о себе»...

Много чего было ещё впереди... Экскурсия по «Орлёнку», когда нам показали весь этот удивительный детский город. Корпуса-корабли дружин «Стремительная», «Звёздная» и «Штормовая», палатки «Солнечной», обсерваторию Лунного городка, куда я потом бегал с другом Серёжкой из Комсомольска-на-Амуре в астрономический кружок несколько раз в неделю по Космической лестнице. Ох и тяжел был подъем, но нам все было непочем. Ведь это «Орлёнок». Дом авиации и космонавтики, где меня поразили тренажеры и аллея самолетов. Школа, в которой предстояло учиться в сентябре, когда начнется учебный год.

Удивительная школа, где нет домашних заданий, где учиться было потрясающе интересно, где мы учились по три дня в неделю. Почему-то больше всего запомнились уроки истории и английского языка. Об одном жалею, стерлись в памяти имена учителей. Обидно. Помню дурацкую историю, как меня на перемене заперли в кабине самолета и прозвенел звонок на урок. А я вылезти не могу. А все разбежались по классам. Невероятно, но я вылез через нишу носовой стойки шасси. Видимо, кто-то до меня уже опробовал этот путь, разобрав часть пола кабины. Вот эту историю помню. А имена учителей не помню. Очень жаль. Невероятно, но я до сих пор, спустя 31 год, помню уроки, помню ту восхитительную атмосферу гармонии между учениками и учителями, которая царила в орлятской школе. А день 1 сентября был для меня таким же ярким и радостным, как тот день, когда я пришел в первый класс. Так и остались в памяти во всех подробностях только два Дня знаний. 1 сентября 1971 года в Калининграде и 1 сентября 1975 года в «Орлёнке».

А потом был праздник в только что открывшемся Дворце культуры и спорта. Там был концерт лауреатов художественного конкурса, проводившегося в «Орлёнке». И съемки телепередачи «А ну-ка, девушки!», в конкурсах которых принимали участие вожатые, а мы были в массовке. Несколько дней наш отряд, один из двух отрядов «Комсомольского», провел на съемках. Утреннюю линейку снимали на линейке «Звездного». Так и получилось, что за одну смену мне пришлось вести свой отряд и на линейку «Комсомольского», и на линейку «Звездного». Во время этих съемок мы познакомились с композитором Яном Френкелем, и песню «Погоня» пели под его аккомпанемент вместе с ним...

Дежурство по лагерю

К дежурству готовились ответственно. Особенно добавляло волнения

известие о том, что дежурство длится сутки. Это означало, что некоторым, в том числе и мне, предстояла первая в жизни бессонная ночь. Бессонная не потому, что спать не хочется, а потому, что спать нельзя. Сколько еще таких ночей будет в жизни, когда нельзя уйти и лечь спать, потому что этого требует долг. Разве мог я тогда, 10-летний мальчишка, представить, что в то лето решалась моя судьба?! Да да, именно в то лето 75-го года. Ибо в тот год произошли два самых важных в моей жизни события, определившие мою жизнь. Одно из них привело меня в профессию, другое научило осознавать себя, как личность. Что может быть важнее в жизни? Но обо всем по порядку. Дежурство по лагерю. Это не только помощь в столовой по накрыванию столов, по наведению порядка после приема пищи. Это еще дежурство по штабу, по территории. Это круглосуточные посты на въезде у шлагбаума, на границах пляжа, на Костровой площади, где надо было поддерживать небольшой костер. Идешь по ночному лагерю, шум моря прерывается резкими криками ночных птиц, таинственными шорохами, доносящимися из зарослей по обе стороны дороги. Темно. Страшно. Но надо идти. Сначала к «Костровой», потом на пляж. Надо проведать своих ребят, которые несут вахту. С дежурством мы справились. И ночь выстояли. И костерок на площади не погас. Не зря мы называли свой отряд «Огоньком». Огоньки горели в наших детских сердцах. И даже защитили любимый пляж «Комсомольского» от вторжения непрошенных гостей поздним вечером. Правда, оказалось, что «вторгались» вожатые из «Штормового», которые после отбоя шли в гости к друзьям в комиссарский городок «Комсомольского». Девушки были ошеломлены напором пацанят, которые честно исполняли свой долг и не пускали в лагерь «посторонних». Когда разобрались, в чем дело, хохоту было на весь пляж... Я краснел от смущения так, что мое лицо слилось по цвету с буденновкой. Я тогда сделал для себя один вывод: если носишь форменную одежду, то нельзя нарушать правила ее ношения. Иначе свои не узнают. И еще. Хоть ты большой, хоть маленький, но делай, что должен и тебя поймут. Ведь это самое важное, чтобы окружающие тебя понимали. В общем, дежурство было одним из значимых событий, которое запомнилось. С ним была связана еще одна «шпионская» история. Если кто помнит, в 70-х на въездной площади «Комсомольского» стоял вертолет. На самом краю площади, у обрыва к морю. Вполне себе боевая машина, Ми-4. Состояние его было не очень, изрядно ему доставалось от любопытных мальчишек. Мы им очень гордились, так как у других лагерей такого чуда не было. Тут с нами мог конкурировать, разве что только морской зенитный автомат у пирса возле «Штормового», но куда ему было против нашего вертолета. И вот однажды (кажется, через несколько дней

после дежурства) пацаны нашего отряда нашли в траве на склоне два рюкзака. Чем-то плотно набитые. Воображение сразу нарисовало тревожную картину, как неизвестные спрятали снаряжение на границе лагеря. Явно замышляя что-то недоброе. Сообщили о своей находке комиссарам, те куда-то позвонили по телефону из штаба. Таинственные рюкзаки осторожно перенесли в отряд, положили их на палубу, до приезда пограничников. В то время в нашей стране еще не знали, что незнакомые предметы ни в коем случае трогать нельзя. Весь отряд был взволнован, все перешептывались, на тех, кто нашел рюкзаки, смотрели как на героев. Но режим превыше всего, нас разогнали по бочкам на ПЧМ. Сразу после окончания ПЧМ я заметил, что по трапу на палубу поднимаются люди в камуфляжных комбинезонах. Оказалось, что прибыли ребята из «Дозорной» посмотреть на нашу находку. В общем, когда со всеми предосторожностями открыли рюкзаки, оказалось, что они... набиты сухой травой. На этом и закончилась наша «шпионская история». Спросите, при чем тут вертолет? Да все очень просто. Вертолет-то был военный. В кабине экипажа вместо удобных кресел пилотов были алюминиевые чашки с нишами для парашютов. Без парашютов в них сидеть невозможно. Вот кто-то и приспособил два мешка с сеном вместо парашютов. А потом выкинул их в траву... такая вот история.

А что за события, которые определили мою жизнь летом 75-го года? Это совместный полет в Космос по программе ЭПАС (экспериментальный полет Аполлон-Союз). И поездка в «Орлёнок». Во время ЭПАС по нашему телевидению впервые показали тех, кто работает в Центре управления полетом, тех, кто день за днем испытывает космическую технику. Одного из них я запомнил, запомнил его фамилию. Следил за его выступлениями по телевизору во время последующих полетов. Прошли годы. Я закончил школу, потом институт. И пришел работать в отдел к тому человеку, которого я впервые увидел летом 1975 года на телеэкране. А недавно принял от него этот отдел. Иногда мне кажется, что эти события не зря произошли с интервалом в один месяц. Есть между ними связь какая-то... Поход на Черепашью поляну

Поход. Мы ждали его долго. Готовились к нему заранее. И все же этот день настал неожиданно. Для меня это был поход в горы. Хотя, какие горы в Туапсинском районе. Но для того, кто вырос на берегу Балтийского моря, эти предгорья Кавказа были настоящими горами. И мысль об этом вызывала беспокойство, нараставшее постепенно. Наши комиссары, Света и Таня, начали готовить нас к походу заранее, но мы поняли это не сразу. Все началось с небольшой прогулки по таким тропам, о которых мы не

догадывались. Мы шли цепочкой, друг за другом по лесам, карабкались вверх, спускались вниз по осыпающимся склонам. Получили первые уроки как надо двигаться по горным тропкам. Самое смешное, что при этом мы просто ходили вокруг «Комсомольского». Вошли в лес где-то за Эстрадой. Обогнули Комиссарский городок. И вышли на дорогу к строящемуся Дому вожатых.

Потом был однодневный турслёт. В живописном ущелье. Его называли Золотой щелью. Не знаю как там было на счет желтых листьев осенью, но в этот сентябрьский денек оно было темнозеленое от моря листвы. Чтобы попасть в ущелье надо было выйти с территории «Орлёнка». Мы вышли отрядной колонной из «Комсомольского», прошли извилистой дорогой мимо «Штормового», пересекли стадион, и вместо Приемного корпуса направились к школе. Это было непонятно, так как дорога к въездному шлагбаума вела не в ту сторону. Оказалось, что есть другой путь за пределы лагеря. Интересно, сохранился он сейчас или нет? Это была обычная труба под дорогой. Одним своим концом она была в «Орлёнке». Другой конец был за его пределами. Вот уж, воистину, познание «Орлёнка» может быть бесконечным, как познание Вселенной.

Наша колонна вытянулась длинной лентой, которая втягивалась в трубу в лагере. И на выходе из трубы мы попадали прямо в лес. Звенела горная речка. Не помню, были ли комары, но нам, мальчишкам, точно было не до них. Мы кинулись ловить крабов, которые ползали по каменистым берегам речушки. Ловили, рассматривали, отпускали. Я тогда в первый раз увидел живого краба. Как-то не попадались они мне на берегах Балтики. Пройдя несколько сотен метров по тропе, мы оказались в туристичеком раю, где нас учили начальным навыкам туристов: ставили палатки, разжигали костры, учили распознавать ядовитые растения. Помню, меня удивили рассказы про траву амброзию, какая она вредная и коварная. Я вот до сих пор недоумеваю, если она такая вредная, почему же ее выбрали своей пищей олимпийские боги? Может быть потому, что их не учили в ущелье Золотая щель?

Особо следует сказать о науке разжигания костров. Очень ценные сведения мы получили о разжигании и поддержанию костра. И как его складывать звездочкой, колодцем, таежный, и как разжигать с одной спички. Не могу сказать, что в дальнейшем я много пользовался полученными познаниями. Но, пожалуй, один вид костра я использовал потом в приполярной тайге, когда работал в студенческих стройотрядах в Коми АССР. Так что навыки пригодились в жизни. Не пригодились они в походе, в который мы пошли на следующий день. Поход оказался однодневным, но от этого он не стал слишком легким. Пришлось

карабкаться по руслу той самой речки, которая текла в ущелье. Мы поднимались цепочкой куда-то в гору. По колено, а кое-где и по пояс в воде. Была поставлена цель - подняться на гору, к неведомой Черепашьей поляне. Воображение рисовало лесную поляну, на которой грелись десятки черепашек. А пока приходилось преодолевать себя. Подъем был непростым. Каменистое русло, вода, делавшая камни скользкими. Но всегда рядом были руки друга, готового помочь, поддержать, когда терял равновесие. И он всегда был уверен, что и его не оставят, когда будет трудно. Вот так мы и поднялись на эту горюшку. Недавно мне пришлось подниматься на такую же невысокую (сравнительно) гору в Пиренеях, к развалинам древнего замка альбигойцев Монсегюр. Поднимаясь на гору, я вспоминал, как в детстве мы карабкались по тропам Золотой щели. Скалистая тропка Монсегюра была очень похожа на ту, из нашего орлятского похода, не хватало только леса, потока воды и тех друзей моего детства.

Но это потом. А пока мы, тяжело дыша, поднялись на нашу первую вершину. Дошли. И с каким наслаждением растянулись на мягкой травке. Это была награда за маленькую победу. Так нам казалось в ту минуту, когда мы улыбались яркому солнцу, согревавшему нас, промокших и уставших. Наш правофланговый (жаль, не сохранилось в памяти его имя) ни разу не выпустил из рук отрядный флажок, нес его как факел, который указывал нам путь. И это не пафос, это было серьезно для нас. И надо было видеть, как светились гордостью его глаза, когда он водрузил наше знамя на вершине! Это была победа. Мы еще не догадывались, что спускаться вниз будет труднее. В общем, я думаю, что в тот вечер вся наша команда в первый раз отправилась спать без традиционного боя подушками, от которого сотрясались стены нашей второй бочки. Пришли и попадали спать, как подкошенные. Как в первый вечер в «Орлёнке». Впрочем, в «Орлёнке» каждый вечер неповторимый. Как и утро, и день. А вот черепах на поляне я так и не увидел. Ни больших, ни маленьких. А название запомнилось.

Орлянский круг и орлянтские песни.

Увы, наш отряд не был особо певучим. Но песни пели. Так как гитар у нас не было, то пели их сами, без музыки. Но от этого они не стали менее любимыми. И для каждой из них было свое время и место. «Вечер бродит» выводили мы нестройным хором на вечерних огоньках. Негромко, так как нельзя было спугнуть тишину, которая являлась нам нежным шорохом листвы, тихими всплесками волн. Мы смотрели друг другу в глаза, встав в круг, ощущая плечо друга. И в этих глазах светились искорки, искорки

нашей дружбы. «Потомки Гренады» гремели, когда отряд вышагивал колонной по три, пытаясь идти в ногу... Да, диапазон пения был очень широк.

Песня занимала особое место в нашей орлятской жизни, она сопровождала нас с первой минуты, как только мы отправились на автобусе из Туапсе в лагерь, до прохода по «Лестнице слёз» под гром барабанов «Рассветного» и посадки в автобусы и отъезда. В пути, когда шли по дороге от «Комсомольского» в центральную часть «Орлёнка». И вовсе необязательно это было песня в строю. Пели просто потому, что было настроение, для себя.

В «Орлёнке» есть свои законы, законы орлятской жизни. Но там незримо присутствовал еще один, о котором не говорили, но которому всегда следовали: «Один за всех и все за одного». Может быть, сейчас это звучит и несколько наивно, но мы жили так, и песни, такие как «Баллада о Валерке» учили нас этим законам жизни. Самое удивительно, что после того как прошли годы, я вырос, но как часто незамысловатые слова этой песни помогали принять правильное решение, сделать правильный поступок в нашей непростой жизни. «Ты обязан быть героем, если ты орлёнком стал...». Интересно, но дети сейчас поют редко. Предпочитают слушать записи через плеер. А мы пели сами.

А об орлятском круге вообще говорить сложно. Феноменальное явление. Я нигде подобного не встречал. Такого чувства единения я не испытывал нигде и никогда. Помнится, как-то, уже будучи студентом, уезжал в Ленинград по окончании каникул. И на вокзал прибыл поезд из Москвы. Из вагона высыпали ребята, и, вдруг они встали в круг, и зазвучал «Звездопад». Я стоял на другой платформе и смотрел на них, и пел с ними вполголоса. Они приехали из «Орлёнка». Как я им завидовал! По хорошему, по доброму. Они были юны и счастливы. Счастливы от того, что они вместе, они пели в орлятском кругу...

Жаль, что сейчас многие песни стерлись из памяти. И в «Орлёнке», наверное, не все эти песни поют сейчас. Увы, новое время, новые песни. Но в моём сердце навсегда останутся те, что мы пели у костра и в строю, в пути и просто в любое время, когда было хорошо на душе, или когда было трудно: «Звездопад», «Баллада о Валерке», «Город Комсомольский», «Потомки Гренады», «Вечер бродит», «Алые паруса», «Надежда», «Солнечный марш» и много-много других... В том числе и наша отрядная песня. Песня известная, «Товарищ» («Я песней, как ветром, наполню страну...»). Но мы пели еще один куплет, который сочинили орлята в «Комсомольском», еще до нас. И звучал он так: «Послушай, товарищ, хорошую весть: «Орлёнок» на свете по-прежнему есть! И вновь

комиссары, как прежде, в строю, И вновь эту песню орлята поют!»

Линейка самолётов.

А интересно, какова была судьба авиапарка «Орлёнка»? Когда мы шли на первую экскурсию знакомства с лагерем, меня поразила Аллея самолетов, которая ведет мимо школы к Дому авиации и космонавтики. Они выстроились, как на аэродроме, готовые к взлету. Потом, когда начались уроки в школе, мы на каждой перемене детально изучали эти машины. Итак, чем располагал «Орлёнок» в 1975-м: вертолет Ка-15, самолет первоначального обучения Як-18, истребители МиГ-21У (спарка), УТИ МиГ-15 (спарка), МиГ-15, самолет-амфибия Бе-12 «Чайка». А еще был вертолет Ми-4 на въездной площади «Комсомольского». О нем я писал выше.

Сколько же мальчишеского восторга вызывали эти изрядно потрепанные машины! А в вертолет Ка-15 я просто влюбился. Уже позже, став студентом авиационного ВУЗа, я узнал, что это была, в общем, не самая удачная машина. Но для меня он был и остается идеалом красоты небольшого вертолета. Интересно, что стало с орлятским экземпляром? Ведь их, практически, не сохранилось. По моим сведениям, сейчас на территории стран СНГ сохранилось всего два или три таких вертолета. А в «Орлёнке» они стояли, как на линейке аэродромной стоянки, готовые к взлёту. Нашему взлёту.

Прощальный огонёк «Расскажи мне обо мне»

Мы к нему готовились... Мы его опасались, так как каждый должен был услышать о себе всё, что о нём думают друзья. Да, друзья. Мы стали ими за эту незабываемую смену. И мы уже сознавали, что друг, это не только тот, кто приятен. От друга можно услышать и очень жесткие и неприятные слова. Но они всегда говорятся искренне и несут в себе добро. И всё же, это было испытание. В том числе и испытание дружбы. Испытание, который не каждый мог выдержать.

Мы ждали его. И грустили, так как понимали, что смена идет к концу. И этот огонёк будет прощальным... Строго говоря, только в этот вечер я осознал, что это последний вечер. И огонёк прощальный. Когда увидел на отрядном месте будёновку с приколотыми к ней орлятскими значками. Значки притягивали наши взгляды. Каждый втайне надеялся, что ему приколят к рубашке этот знак, который стал для нас символом достоинства и чести. Но всё зависело от решения отряда, от решения друзей...

Три десятилетия стёрли из памяти детали. Но я хорошо помню этот небольшой костер, который горел на нашем отрядном месте под первой

бочкой нашего отряда. Это были самые первые бочки Зелёного вала, немного в глубине от Комсомольской площади, площади линеек. Наверное, пожарные были бы недовольны, увидев такое вопиющее нарушение, но что теперь об этом говорить? Мы сидели вокруг костра, наши лица освещали сполохи пламени. Неторопливо шел разговор. По очереди обсуждали поступки друг друга, достоинства и недостатки. Наверное, было много юношеского, даже детского максимализма, категоричности, наверное, сейчас многое показалось бы наивным. Не без этого. Да так и должно быть. Но разговор был предельно искренен. Мы все доверяли друг другу. Так как можно доверять только друзьям. К концу огонька на будённовке значков не осталось. Но и не каждый приколот значок. Сейчас, когда мне уже немало лет, я думаю, что наше решение о том, что 2 или 3 сорванца не достойны носить орлятский значок было излишне категоричным. Может быть, даже жестоким. Осознание этого пришло много позже. Но увы, на то были свои причины... И всё же, это было правильно. Я убеждён в этом и сейчас. Ведь мы сами задали эту высоту планки. Планки требования к себе и к своим друзьям. И если мы решили, что должны соответствовать этому уровню, то надо было его держать. А потому те, кто не осилил эту первую высоту, не были облечены доверием отряда, этого маленького коллектива. Дошла очередь и до меня. К сожалению, я не помню, что мне было сказано. Наверное, тоже было за что краснеть. Или это были отблески костра? Не знаю. Но с этого огонька я уходил с орлятским значком и медалью. И с горящими щеками. И сердце было готово выпрыгнуть из груди. От чувства благодарности к моим родным орлятам, которые приняли меня в свою крылатую семью... Много дорог, и в прямом, и в переносном смысле, мне пришлось пройти. И нёс я орлятский значок и на куртке, и в душе. Так вышло, что свой тот значок, который я получил на прощальном огоньке, я не сохранил. Так вышло. Но позже нашёлся друг, настоящий орлёнок. Он отдал мне свой значок. И я храню его уже больше 20 лет. Храню его за двоих. Он стал для меня символом настоящей орлятской дружбы. А медаль? Медаль лежит в шкафу. Та самая. Изрядно потертая. Но дороже её у меня нет. Хотя, с тех пор у меня появились и другие, более значимые награды. Но эта была самая первая. И до сих пор она для меня самая дорогая. Ведь она хранит тепло нашего прощального огонька. Того самого, который согревал нас в тот памятный вечер под первой бочкой Зелёного вала «Комсомольского»...

Разъезд

Трудно писать об этом дне. Казалось, что он не наступит никогда. Что

смена будет длиться вечно. Но вдруг наступило обычное утро, которое началось с того, что нас привели в Приемный корпус, где мы переоделись в свою одежду, приколов к ней новенькие орлятские значки. Сдали форму, к которой привыкли за месяц. И только тогда пришло осознание, что настал день расставания. Мы смотрели друг на друга и не узнавали тех, с кем на протяжении смены все время были рядом, с кем не расставались. Так нас меняла одежда. И начинали понимать, что кончается сказка. Добрая и счастливая. Все ребята притихли. В «Комсомольский» возвращались без обычного веселого щебетания. Навстречу нам шли колонны других отрядов. Увидев нас без привычной формы, в своей одежде, орлята замолкали. От этого на душе становилось еще тяжелее. Все понимали, что пришел день расставания. Когда пришли в свои бочки, появились первые слезы. Мы сидели на траве недалеко от своей бочки, записывали адреса друг друга, обещали писать письма чуть ли не каждый день. И вот прозвучало объявление об отъезде первой делегации. Все отряды заняли привычные места на линейке, зазвучал привычный марш десантников и мы прошли по линейке на свое обычное место. Казалось, все как обычно, как на каждой утренней линейке подъема флага. Не было заметно, что строй поредел, так как отсутствие 1..2 человек в каждом отряде не очень сказывалось на том, как выглядел отряд. Но было одно отличие. Рядом с вожатским отрядом «Родник» лицом к лагерю стоял отряд отъезжающей делегации, прощавшийся с лагерем. Отзвучали слова прощания, и колонна, возглавляемая уезжающими, двинулась по лестнице слез на въездную площадь, где стоял автобус... Мы поднимались по лестнице, на ходу стараясь сказать друг другу всё, что не успели сказать раньше... И вдруг барабанщики из «Рассветного» грянули Солнечный марш. Самый красивый марш с перестуком барабанных палочек. Ребята стояли двумя шеренгами на лестнице, образуя коридор, через который мы проходили к автобусу... И вот, глотая слезы горечи, говорятся прощальные слова... Автобус уехал, увозя на вокзал первую группу орлят. Оставшиеся вернулись в лагерь. Затихший, печальный. Чтобы отвлечься от грустных мыслей пошли на пляж, купаться в теплом море, загорать на ласковом солнышке. Снова зазвучал смех, мы дурачились и веселились, почти не вылезая из воды... Но вот снова заиграла музыка... Приехали новые автобусы. И снова все повторилось. Орлятский круг, песни по заказу уезжающих, слезы прощания, выход на линейку, проход через строй барабанщиков, последние объятия возле автобусов и долгое провожание взглядом коротких колонн автобусов, исчезающих на повороте... С каждым разом рядели наши колонны на линейке. Нас оставалось все

меньше и меньше. Я остался последним из командиров отряда (кто бывал в «Орлёнке» в 70-х, тот знает, что командиры менялись каждые 10 дней). Двое других уехали одними из первых и я снова занял свое место во главе отряда, когда в очередной раз зазвучал «Звездопад» и лагерь вышел проводить очередную делегацию. И так я выходил на линейку во главе тающего на глазах отряда еще 3 или 4 раза. И вот пришел наш черед. В «Комсомольском» остались только вожатые-комиссары и делегация из Архангельска, которым выпало уезжать последними и им предстояло остаться на ночь в пустом лагере. Им и вожатым, наверное, было тяжелее всех. Не представляю, каково это быть в опустевшем лагере. Мы стояли в строю, вожатые спели на прощанье песни «Комсомольская площадь» и «Город Комсомольский»... И всё. Автобус покати по дороге на Туапсе, на вокзал. «Город из солнечной сказки» растаял в темноте... Мы попытались спеть «Шоферы Орлёнка», но ничего не вышло, песня затихла сама собой, голоса срывались... Я сидел у окна и вспоминал свой первый день в «Орлёнке». Он начинался тоже в автобусе. Но там впереди была радостная неизвестность. Впрочем, в тот момент я еще не понимал, что и сейчас впереди меня ждала совершенно иная жизнь. Совсем не та, которая была до «Орлёнка». В ней была и досада от непонимания окружающими, насмешки одноклассников, которые не могли меня понять, прекрасные встречи с орлятами из городского пионерского штаба, куда я попал вскоре после приезда из «Орлёнка»... Но это я понял только когда вернулся домой. А пока я смотрел в темное окно, за которым мелькали огоньки в темноте, слушал разговоры соседей, машинально отвечал на вопросы, скорее всего невпопад, думал о замечательных друзьях, которых больше не увижу: двое Сережек из Верхотурья (Медведева) и Комсомольска-на-Амуре (Нарыльнева), Лену Морозову из Анадыря (Лена единственная уезжала вся светясь от радости, так как её ждала встреча с мамой и папой, которых она не видела шесть месяцев. Когда её провожали, звучал смех, шутки. Она была настоящим лидером и умела увлечь за собой коллектив. Так и осталась она в моей памяти как светлый лучик оптимизма и радости), Алёшу Бахтиярова из Уфы, Алёшу Иргит из Тувы. Вожатых Свету и Таню. И многих-многих других.

И вдруг что-то накатило, и я первый раз за этот тяжелый день не сдержал слез. Я был не одинок. «Орлёнок» не отпускал нас всех, он оставался в наших сердцах. И из этих слез, из этой грусти рождалось что-то новое, доселе мне неизвестное. «Орлёнок» нас изменил, и в этой печали мы становились другими. Мы стали лучше. Удивительным образом «Орлёнок» помог раскрыться лучшим качествам. Это было рождение личности...

Возвращение в орлятский круг

Послесловие.

Прошли годы. Орлята выросли, стали взрослыми. У них растут свои дети, они заняты взрослыми проблемами. И, казалось бы, детство осталось в далеком прошлом. И воспоминания об удивительной смене, которую ты провел в «Орлёнке» вызывают только легкую грусть. Даже самые веселые события, вроде праздника Нептуна, когда сорванцам удалось искупать в море начальника лагеря, опрокинув в морские волны его «браневик», сделанный из грузового мотороллера «Муравей». Только легкую грусть...

Но неизбежно настает день, когда вдруг начинаешь понимать, что не прошел бесследно «Орлёнок». Он продолжает тянуть к себе. И хоть тебе уже много лет, ты чувствуешь себя взрослым, состоявшимся человеком, где-то глубоко в душе в тебе сидит восторженный мальчишка. И потянуло к общению с теми, кто тебя понимает, кому знаком этот зов «Орлёнка». Дальше все просто: интернет, поиск по ключевым словам, форум на сайте, ставшим легендой. Воспоминания о милых мелочах, окружавших нас в «Орлёнке», ощущение общности и... встреча. В чём-то стихийная, в чём-то закономерная. Для меня решение прийти на встречу было непростым. Я трудно вхожу в незнакомые, новые для меня компании. Но оказалось, что нет ни скованности, ни ощущения того, что ты чужой. С первой секунды было такое чувство, что ты среди друзей. Несмотря на то, что видишь всех в первый раз. Лёгкость в общении потрясала. Когда-то давно, на прощальном огоньке вожатые нам говорили, что если ты встретишь на улице человека с орлятским значком, то всегда можешь быть уверен, что это друг, на которого можно положиться. С тех пор прошло много-много лет. Немало иллюзий детства пришлось оставить в прошлом. И вдруг это удивительное чувство единения. С теми, с которыми связывает лишь орлятский значок. Нет, не раскрашенный кусочек металла, а Знак. Знак общности эмоций, общего прошлого (хотя оно у каждого своё и, в общем, не похожее друг на друга), бережного отношения друг к другу в настоящем. И понимание того, что слова, услышанные на огоньке сбылись. Сбылись не буквально, но от этого становилось еще теплее. Это как чудо, но из тех чудес, которые мы творим своими руками. Для себя и для окружающих. И у меня возникло чувство, что я снова стою в орлятском кругу. И слева, и справа от меня настоящие друзья. И мы смотрим в глаза друг другу. И чувствуем на своих плечах руки друзей. И не хочется снова

потерять это чувство. И это не пафос, нет. Это реальность. Это уверенность, что вечерние огоньки будут греть нас искренностью общения всегда. Хочется в это верить, друзья.

Ваш Андрей Коваленко.

первоисточник: https://ars-r.narod.ru/rasskaz_kovalenko.htm

Статьи и прочая информации:

[komandno-programmnoe-upravlenie-poletom-rossiyskogo-segmenta-mks.pdf](#)

[opyt-primeneniya-mashinnogo-obucheniya-pri-analize-seysmicheskikh-dannyh-dlya-vydeleniya-tektonicheskikh-narusheniy-v-razlichnyh-seysmogeologicheskikh-usloviyah.pdf](#)

From:

<http://archive-orlyonok.ru/> - **archive-orlyonok.ru**

Permanent link:

http://archive-orlyonok.ru/pionery/komsomolskij/1975/andrej_kovalenko?rev=1730806564

Last update: **2024/11/05 14:36**

